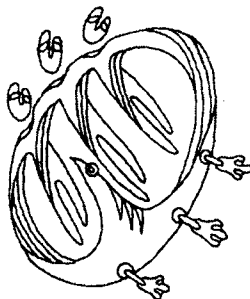

Российская академия наук
Уральское отделение
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Фольклорная комиссия вузов России
Удмуртский государственный университет
Факультет удмуртской филологии
ГУК «Республиканский дом народного творчества – Дом молодежи»

Традиционная культура в изменяющемся мире

Материалы VIII Международной школы молодого фольклориста
и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора»
(Ижевск, 19–21 июня, 12–13, 15 ноября 2009 г.)

Ижевск
2009

УДК 39

ББК 82.3 (2 Рос) = Удм. + 63,5 (2)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Президиума Уральского отделения РАН

Печатается по решению ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН

Ответственные редакторы: д.ф.н. *Т. Г. Владыкина*, член-корр. РАН *В.М. Гацак*
Редакционная коллегия: к. хим. н. *О.Ю. Гончаров*, *Е.В. Ложкина*,
Я.М. Мелляхматова, *Д.Л. Корнилов*

Рецензент – *Т.С. Канева*, кандидат филологических наук, доцент,
руководитель Центра фольклорных исследований
Сыктывкарского государственного университета

Традиционная культура в изменяющемся мире: Материалы VIII Международной школы молодого фольклориста «Традиционная культура в изменяющемся мире» и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора» (Ижевск, 19 – 21 июня, 12 – 13, 15 ноября 2009 г.) / Отв. редакторы *Т.Г. Владыкина*, *В.М. Гацак*; УИИЯЛ УрО РАН – Ижевск, 2009. – 278 с.

Traditional Culture in the Changing World: Papers of the VIII -th International School of young Folklorists “Traditional Culture in the Changing World» and the Seminar “Permistika: Language and Style of the Folklore” (Izhevsk, June 19–21, November 12–13,15). Compiled and edited by *T. G. Vladykina*, *V. M. Gacak*. – Izhevsk, 2009. – 278 p.

ISBN 978-5-7691-2117-3

Сборник посвящен проблемам бытования и трансформации видов и форм традиционной культуры в современных условиях.

Издание снабжено DVD-приложением, дополняющим статьи иллюстрациями, фото- и видеоматериалами. Электронный ресурс отражает новые возможности презентации традиционной культуры, демонстрирует неиссякаемость ее потенциала в научной и творческой сферах.

Издание предназначено для широкого круга читателей, как специалистов (фольклористов, этнологов, культурологов и др.), так и всех интересующихся традиционной культурой.

This collection of papers deals with the problems of existing and transforming traditional culture forms in contemporary conditions.

It is supplied with the appendix on DVD consisting photos, videos, illustrations. This electronic recourse reflects new opportunities of the traditional culture presentation, demonstrates its potential in scientific and creative fields. The edition is addressed to the wide range of readers such as specialists (folklorists, ethnologists ...) so the other, who interested in traditional culture.

ISBN 978-5-7691-2117-3

УДК 39

ББК 82.3 (2 Рос) = Удм. + 63,5 (2)

© Авторы статей

© УИИЯЛ УрО РАН

© К. Галиханов. Графика, 1998

Ситуации повествования в удмуртском фольклоре

На примере удмуртских фольклорных текстов, собранных венгерским исследователем Бернардом Мункачи [II/2], рассмотрим особенности ситуаций повествования, нарратива, в удмуртском языке.

1. Формы повествования с точки зрения передачи чужой речи (от лица автора или рассказчика)

В способах передачи чужой речи выделяются слова автора и прямая или косвенная речь, с помощью которых передаются слова говорящего. Вслед за Г.Г. Инфантовой можно отметить, что «автором в таком случае называют лицо, которое передаёт чужую речь, а говорящим – лицо, чья речь передаётся. ...В художественной литературе «автором», передающим чужую речь, может выступать и автор произведения, и рассказчик, от имени которого ведётся повествование, и какой-либо герой произведения. В связи с тем, что те оценки, мнения, которые автор вложил в своё произведение, могут лишь косвенно отражать подлинные оценки и мнения самого писателя, в коммуникативной ситуации повествования (нарратива) принято говорить об образе автора или о повествователе. Повествователь может быть одним из персонажей текста, т.е. может входить в мир текста, и тогда его называют рассказчиком, а может в мир текста и не входить... Говорящий в реальной коммуникации обязательно сам принадлежит к тому миру, о котором говорит. Автор же художественного текста создаёт мир вымышленный, который лишь выдаёт за фрагмент мира реального. Сам он к миру текста своего произведения не принадлежит» [I/3: 671–672].

Если рассматривать фольклорные тексты в этом плане, можно отметить, что в роли «автора» народно-поэтического текста выступает повествователь-информант. (Автор коллективный, так как в большинстве случаев текст передаётся из поколения в поколение, хотя текст может претерпевать некоторые изменения). Но в конкретном случае текст как результат коммуникативно-речевого акта (дискурс) принадлежит именно повествователю-информанту.

Как правило, повествователь не входит в мир текста. Особенно ярко это видно, когда используется вводное слово *не* – ‘мол, дескать, говорят’: *Со пи лампа вылысьтыз кымам кудызэ жэутэм но тыл люгытэныз аджем: туж чебер ныл, не, эктэ* [II/2: 62–63] («Этот парень снял с лампы опрокинутое на неё лукошко и при свете увидел: дескать, танцует очень красивая девушка»);

«...Та пычалэныд кинэ ке ыбид ке, ноку но буш уз лу ни ыбемед», – пе, шуса вера [II/2: 69] («...Если этим ружьём в кого-нибудь выстрелишь, никогда не промахнёшься», – мол, говорит»). Также на то, что повествователь не участвует в данном событии, указывают глагольные формы. Используются формы:

1) **неочевидного прошедшего времени:** *Одйг пересь мурт кышноеныз ваче уйлллям* [II/2: 64]. («Жили вместе старик со старухой»); *Сёре пиез остэ! шуэм* [II/2: 66] («Потом [её] сын господи! сказал»); *Собере ни доры бертйлллям но, нылэз черке нуса, кырашине пыртйлллям* [II/2: 64] («Потом пошли домой к юноше и, уведя девушку в церковь, крестили»).

2) **давнопрошедшего времени:** *Одйг пересь адыми, гондыр кутылыса, ветлэ вылэм* [II/2: 93]. («Один старик ходил охотиться на медведей»); *Визь-тэмлэн атаезлэн сётэм уксёез одйг но уг быры вылэм...* [II/2: 279] («У дурачка данные отцом деньги нисколько не убывали...»); *Дэрем гырке куроез тырса но суредлы туй ымныр карса, сое адыми кадь ик лэсьто вал* [II/2: 36] («Засунув внутрь рубахи солому и надев чучелу берестяное лицо, его делали схожим с человеком»).

3) **II плюсквамперфекта:** *Со пёртмаськысез корка лэсьтйсьёс тупа-тыса кельтйлллям вылэм...* [II/2: 80] («Этого оборотня оставили построившие дом (строители)»); *Вумурт ныллёс лыктйлллям вылэм ини нуны со пиез* [II/2: 66] («Дочери водяного уже пришли было увести этого парня»).

4) **многократного прошедшего времени:** *Гондырез «гондыр» уз шуэ вылэм – «пересь атай» шуозы вылэм* [II/2: 92] («Медведя «медведь» не называли – «дедушка» называли»); *Кык уромъёс ёчён тэляськыса ветлозы вылэм* [II/2: 53] («Два товарища вместе ходили промыслять в лес»); *...Огназ ву дуре мыноз вылэм уйин* [II/2: 65] («...Один к реке ходил ночью»).

В текстах можно встретить рассказчика, принадлежащего к тому миру (пространству) и времени, о котором говорится: *Соос сюан лэсьтыкы, мон но отын сийи-юи, туж утялтйзы, калыкъёс юизы чаркаен, мон юи пась кобыен* [II/2: 64] («Когда они играли свадьбу, и я там был (угощался), очень хорошо угощали, люди пили из рюмок, я пил из дырявого ковша»).

II. Нарратив как форма повествования в фольклорных текстах

Как отмечает Е.В. Падучева [I/2: 199–219], повествовательная форма является важной глобальной функциональной характеристикой нарративного текста. Повествовательной формой называют тот параметр текста, значениями которого являются, в частности:

- повествование от 1-го лица, где повествователь – это рассказчик: он сам принадлежит миру текста, т.е. участвует в изображаемых событиях;
- повествование в 3-м лице, традиционный нарратив в узком смысле, в котором повествователь не принадлежит миру текста. Целью такого повест-

ования является «создание картины объективного бытия, действительности как реальности, независимой от восприятия ее автором [I/1: 210]. Эта повествовательная форма создает видимость объективности: мир предстает перед читателем как бы сам по себе, никем не изображаемый – в противоположность перволичной форме;

– свободный косвенный дискурс, или персональная форма. Тут повествователь частично уступает персонажу свое право на речевой акт. Возникает чисто литературная фигура – говорящий в 3-м лице, невозможный в обыденном языке, – персонаж в 3-м лице замещает говорящего. Это повествование, в существенной степени заполненное несобственной прямой речью героев (чаще одного героя).

Г.Г. Инфантова считает, что «...в основу характеристики способов чужой речи целесообразно положить именно критерий соотношения в тексте «двух величин – передаваемой («чужой») и передающей («авторской») речи. Такая возможность обусловлена тем, что для каждой из таких языковых конструкций существуют типичные повествовательные формы, в которых они функционируют. В форме прямой речи чужая речь передаётся с точки зрения говорящего с сохранением особенностей передаваемой речи... В форме косвенной речи чужая речь передаётся с точки зрения автора, что не позволяет сохранить все без исключения особенности передаваемой речи... В форме несобственно-прямой речи чужая речь передаётся и с точки зрения героя, и с точки зрения автора, что даёт возможность сохранить особенности передаваемой речи...» [I/3: 672–673].

В рассмотренных нами фольклорных текстах встречаются все 3 вида нарратива: традиционный нарратив, перволичная повествовательная форма; традиционный нарратив, повествовательная форма 3-го лица; нетрадиционный нарратив (по Падучевой, свободный косвенный дискурс).

1. Традиционный нарратив, перволичная повествовательная форма. Прямая речь строится по принципу паратаксиса – свободного соположения конструктивных частей без грамматически выраженной связи. Необходимо отметить, что очень часто прямая речь вводится двумя комментирующими репликами; в составе слов автора два, а при разрыве прямой речи и больше слов с семантикой говорения, иногда идёт повтор одной словоформы: *Пинальёс солы верало: «Со зок кочышмы милям пиёсыныз дасо мында ини», – шуиллям...* [II/2: 80] (Букв.: Дети ему говорят: «Этой большой кошки у нас вместе с детёнышами уже около десятка», – **сказали**); *Со кузёёсыз вераллям: «Тини со виль корка пыртэ!» – шуиллям* [II/2: 79] (Эти хозяева **сказали**: «Вон в тот новый дом заводите!» – **сказали**); *Аслам ужаса шеттэм ваньбуре гинэ потса вуиз, – шуэм ныл. – Атайлэн чик потса өз ву», – шуэм* [II/2: 64] («Выйти успело только мной заработанное богатство, – **сказала** девушка. – Отцовское вовсе не успело выйти» – **сказала**); *Со куштийськем коркась ныл верам тилы:*

«Тон чуказе жэсyt атайдэ кен юаны лэзэ таччы! – **шуэм**. – *Пырыкыз канкалэз паллян пал бордэз кесяса мед пыроз!*» – **шуэм** [II/2: 72]. (Девушка, из того заброшенного дома, **сказала** юноше: «Завтра вечером ты пошли своего отца сюда сватать невесту! – **сказала**.– Когда будет входить, пусть войдёт, разобрав левую сторону ворот!» – **сказала**).

2. **Традиционный нарратив, повествовательная форма 3-го лица.** «С помощью косвенной речи чужие высказывания автор передаёт от своего имени, а поэтому он заменяет все личные формы соответствующим образом...» [I/3: 677]. Эта форма нарратива в текстах встречается очень редко: *...Кортчог жэугыса кылйськыз ке, сокы кулйсь тырос луоз шуса, верало; ну тэшкаса, жэуам куара кылйськыз ке, со аре тыллу луоз шуса, верало* [II/2: 33] («Если будет слышен звук забиваемых гвоздей, говорят, что тогда будет много умерших; если будет слышен звук с треском горящего дерева (дров), говорят, что в тот год будет пожар»).

3. **Нетрадиционный нарратив.** Г.Г. Инфантова считает, что это «художественный приём многоплановости (многоголосия, полифонии) повествования, позволяющий одновременно звучать голосам и автора произведения, и его героев, отражать разные точки зрения на то, о чём идёт речь... Несобственно-прямая речь – такой способ передачи чужой речи, в котором совмещаются грамматические признаки прямой и косвенной речи: высказывание построено от лица автора, как косвенная речь; связь между чужой речью и словами автора бессоюзная, как в прямой речи, причём могут сохраняться все особенности речи говорящего (героя)» [I/3: 681]. В отношении удмуртского фольклорного нетрадиционного нарратива необходимо отметить, что он оформляется несколько иначе, чем было сказано выше. Высказывание построено от лица автора, как прямая речь, но в нём связь между словами автора и «прямой речью» союзная (как в косвенной речи). Эта конструкция ближе к прямой речи: *«...Ми солэсь кышкаса пегэим» шуса, верало киёнъёс гондырлы* [II/2: 175] (Волки говорят медведю, **что** «...мы, испугавшись этого, спрятались»; *Ныл «малы озьы шуид?» шуса, кесяськыны куськем пиез* [II/2: 64] (Девушка, сказав, **что** «зачем [ты] так сказал?», начала ругать юношу); *Со пизэ айиз «тонэ мынам дышетэмэ луоно бвёл» шуса, калыке куштэм* [II/2: 54] (Этого [своего] сына отец, сказав, **мол**, «тебя я не смогу научить», отправил к людям (в народ)).

В некоторых случаях можно наблюдать смешение традиционного нарратива, первоначальной повествовательной формы, и нетрадиционного нарратива: *«Кин косса ыбид тон сое? – шуэ. – Кинлэз юад-верад? Кызы дйсьтйськод тон сое ыбыны?» шуса, кышкатэ со адямиез* [II/2: 69] («Кто тебя заставлял убить его? – говорит. – У кого спрашивал?» – Сказав, **что**: «Как ты посмел его застрелить?», пугает он человека).

Иногда при наличии вводного слова *пе* – ‘мол, дескать, говорят’ на-

блюдается ссылка сразу на 2-х авторов: автора прямой речи – говорящего – и неизвестную обобщённую группу лиц: «...*Кытын ке тылпу, отын, – не, – ми, тыл пелляса, лобаса ветлйськом*», – *не, шуэ* [II/2: 74] («...Если где-то пожар, там, – *мол, – мы, раздувая ветер, летаем*», – *дескать, говорит*); *Картэз*: «*Їок, шеттйд ке*», – *не, шуэ* [II/2: 258–259] (Муж: «Пускай, раз нашла», – *дескать, говорит*).

В удмуртских фольклорных текстах, таким образом, присутствуют: повествователь-информант и рассказчик; автор прямой речи – говорящий – и автор – неизвестная обобщённая группа лиц. В текстах можно встретить все три вида нарратива, но нетрадиционный нарратив оформляется несколько иначе, чем несобственно-прямая речь в художественной литературе.

Литература

- I. 1. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. – М.-Л.: ГИХЛ, 1959.
2. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996.
3. ТАЯЕ – Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. В 2-х частях. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / Под ред. Е.И. Дибровой. – М., 2001.
- II. 1. Ингур: Удмурт фольклоръя лыдзет: Шор ёзо школаослы / Люказ, радъяз но валэк-тонъёссэ гожтыз Т. Г. Владыкина. – Ижевск. Удмуртия, 2004.
2. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs. – Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 102. Helsingissä, 1952.